

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации

Жилиной Ульяны Владимировны

по теме: «Диалектика смирения и протеста»,

представленной на соискание ученой степени

кандидата философских наук по специальности

09.00.13 – философская антропология, философия культуры.

Древняя философская проблема свободы проявления человеческой воли может быть рассмотрена с позиции диалектического взаимодействия противоположных крайностей смирения с заданными обстоятельствами бытия и протеста против всякой заданности, нацеленного на прорыв за пределы естественной необходимости. Философская рефлексия этого взаимодействия требует прояснения философско-антропологических аспектов феноменов смирения и протеста, что может привести к идеям и концепциям, способствующим новому видению драмы свободы в современной социальной реальности. Поэтому философско-антропологическое исследование диалектической взаимосвязи смирения и протеста, выполненное У.В. Жилиной, обладает необходимой степенью актуальности.

Автор считает, что как смирение, так и протест, имеются на всех уровнях человеческого бытия – от решения рутинных бытовых вопросов до трансцендентальных проблем личного духовного и всеобщего совершенствования, а экзистенциальный выбор смирения или протеста определяет не только судьбу конкретного человека, но и ценности и смыслы всего общества. Анализ феноменов смирения и протеста приводит Жилину к выделению их конструктивной и деструктивной форм, между которыми обосновывается возможность диалектического синтеза. Логика исследования поэтому весьма прозрачна и незатейлива: в соответствующих разделах первой главы рассмотрены особенности смирения и протеста, в двух

разделах второй главы – деструктивный и конструктивный варианты их диалектического синтеза.

Первая глава открывается историко-философским обоснованием авторского выбора ключевых терминов своей работы. Диссертант вполне ожидаемо указывает на употребление интересующих ее понятий подчинения и сопротивления, смирения и противостояния у классиков античности, в библейской традиции, у некоторых представителей западноевропейской и русской философии. Не обнаружив во всей истории мировой философии «единого понятийно-категориального аппарата, раскрывающего противоположность человеческого противостояния проявлениям окружающего мира и подчинения им» (С.18), У.В.Жилина смело берется за это дело сама. Опираясь на этимологические и толковые словари русского языка, соискатель доказывает, что слово «смирение» из-за своего смыслового многообразия может служить термином «для выражения понятия, широкий объем которого включает любые проявления сознательного подчинения человека» (С.19). Сходным этимологическим путем для понятия, выражающего сознательное противостояние человека, осуществлен выбор термина «протест».

Рассматривая в следующем параграфе специфику феномена, обозначенного термином «смирение», автор утверждает, что естественной предпосылкой смирения является биологическая и социальная адаптация, необходимая для приспособления человека к природным и социальным условиям, для выживания и удовлетворения первичных потребностей (С.22). Возможно, именно поэтому смирение как сознательное подчинение себя ряду общепринятых норм может рассматриваться как залог совместного социального существования. Однако, как далее вполне справедливо отмечает диссертант, полная самоотдача и отступление от своих ценностей «вовсе не способствует укреплению и единению общества, но напротив, разрушает его изнутри и делает невозможным существование и полноценное развитие личности» (С.31). Подобное самоотречение от своих принципов называется

«деструктивное рабское смирение» и характеризуется как особая форма смирения, «цели которой выходят за пределы выживания и удовлетворения первичных потребностей и предполагают подчинение человека неким безличным началам и зависимость от них» (Там же). Кроме указанной формы «рабского смирения» автор выделяет принципиально иную форму смирения, которая освобождает человека от нравственного рабства и ведет его к духовному совершенствованию, помогает человеку овладеть собой, хотя и требует некое самопожертвование – «аскетическое» смирение.

Завершается первая глава разделом, посвященным рассмотрению противоположности смирения – протесту, как сознательному противостоянию внешним обстоятельствам и ценностям или чужой воле. Истоки протестного поведения, как и смирения, автор находит в эволюционной природе человека и видовых особенностях его существования, например агрессивности. Диссертант приводит примеры деструктивного протеста: отрицание и нарушение принятых в определенном обществе норм и традиций, вандализм, различные формы насилия над людьми вплоть до убийства. Для этой формы протеста характерным является принесение в жертву других людей и их интересов и снятие с себя вины и ответственности. Однако, как верно замечает У.В. Жилина, в протесте против абсурдности и несправедливости бытия человек может совершить попытку превзойти самого себя, свою ограниченность и несовершенство, проявляя вполне конструктивный протест против своих внутренних пороков.

Вторая глава диссертации содержит анализ парного синтеза смирения и протеста в деструктивном и конструктивном вариантах. Деструктивный синтез показан на примере жертвоприношения, характеризующимся возложением вины, ответственности и наказания на другого, гонение и насилие над другими, а также рабской готовностью принимать эти гонения, отказ от сопротивления, конформность. Таким образом, «рабское смирение и деструктивный протест вступают в единство на основе насилия и превращения человека в средство, принесении его в жертву» (С.67).

Соискатель обнаруживает диалектическую связь деструктивного протеста, представленного в посягательстве на жизнь и свободу других людей, и рабского смирения, проявляющегося в самоотчуждении, поглощенности и рабстве человека у абстрактной идеи, в террористическом насилии. Опираясь на многочисленные примеры из отечественной истории, автор также обращает внимание на то, что насилие, обращенное террористами против представителей власти, является, «оборотной стороной конформного общества, подавленного произволом властей» и лишенного возможностей удовлетворения не только духовных, но и первичных потребностей (С.76). Можно также согласиться с диссертантом, что «разрушительное опротестовывание свободы другого, является свидетельством отсутствия личной внутренней свободы, духовного рабства, которое требует постоянного разрушения чужих границ для самоутверждения» (С.91).

Во втором параграфе второй главы автор обращается к синтезу аскетического смирения и конструктивного протеста, воплощенного в самопожертвовании на примере философии и жизненного пути Сократа, а также его последователей среди киников и стоиков. Вдохновляет диссертанта и личный пример спасения и воскресения посредством смирения и протеста, который «являет людям сам Бог, Иисус Христос» (С.98). И хотя У.В. Жилина не затрудняет себя уточнениями, в каком качестве и контексте данный персонаж человеческой культуры приведен в ее претендующем на научность исследовании, нельзя не согласиться с особой значимостью образов христианской традиции в аргументации самопожертвования как творческого синтеза смирения и протеста.

Обращаясь к примерам собственно художественного творчества, соискатель верно замечает, что «воплощение замысла творца требует постоянного протеста против собственной лени, неблагоприятных условий и в то же время является воплощением смирения: аскезы и послушания, следования долгу воплощения, труда и самодисциплины» (С.110).

Подкрепляя далее свои выводы примерами из научной деятельности, диссертант резюмирует, что диалектический синтез аскетического смирения и конструктивного протеста «осуществляется в самопожертвовании человека, целью которого является не благо социального большинства, не удовлетворение потребностей правителей, не абстрактные идеи, отчужденные от самого человека, а сама человеческая личность», которая, таким образом обретает себя, не нарушая при этом свободы других людей (С.119).

Кроме указанных вполне аргументированных и содержательных авторских тезисов, относящихся к явным достоинствам работы, укажем на связанные с ними некоторые недостатки:

1. Проводя дистинкцию между деструктивной и конструктивной формами смирения, диссертант связывает первую с рабской, а вторую – с аскетической формами смирения. Между тем, если понятия «деструктивный» и «конструктивный» являются дихотомическими, то есть парны, противоречивы и обладают противоположными признаками, то понятия «рабский» и «аскетический» отнюдь не дихотомичны, а их признаки не взаимоисключающи и вполне могут характеризовать одно и то же явление. В диссертации не указаны основания деления понятия «смирение», поэтому выделение его форм требует дополнительного авторского обоснования. В этой же связи возникает вопрос о возможности или невозможности выделения каких-то иных форм смирения, кроме указанных.

2. Автор неоднократно утверждает, что биологическая и социальная адаптация, проявляющиеся в виде способности приспособления человека к природным и социальным условиям в целях выживания являются естественными предпосылками как смирения, так и агрессивного протеста. Заметим, что, во-первых, необходимо теоретически дифференцировать не только биологическую и социальную, но и психологическую адаптацию, как процессы, имеющие каждый свою принципиально качественную определенность. Поскольку адаптационный процесс направлен к сохранению

относительной стабильности в постоянно меняющейся среде, явление адаптации можно трактовать как выражение активности организма, заключающееся в его самодетерминации посредством частичного самоотрицания. Поэтому, во-вторых, плодотворнее было бы в качестве предпосылок и оснований смирения и протеста рассматривать не только процессы адаптации, но и дезадаптации, которые представляют собой не диалектическое единство, а два полярных варианта жизненных траекторий. Именно процессы дезадаптации могут рассматриваться как основания деструктивных вариантов смирения и протеста.

3. Находя образец интеллектуальной аскетики и интеллектуального смирения только в методологии Р. Декарта, автор прекращает развитие этой актуальной темы, даже не упоминая ее значительную разработанность в современной философии. Между тем, исследования в области представлений об интеллектуальном смирении не только важны в практике идейных споров, но имеют особое теоретическое значение в различных проектах философии, психологии и даже психотерапии (См., например, недавние работы Alfano M., Barrett J., Battaly H., Baehr J., Christen M., Church I., Hardy S., Deffler S., Leary M., Hoyle R., Robinson B, Rouse S., Samuelson P.L, Jarvinen M, Paulus T, Schwab A., Spiegel J., Whitcomb D.). Современные философы определяют интеллектуальное смирение как «стремление к овладению своими интеллектуальными ограничениями», не просто противостоящее гордыне, но занимающей срединное положение между крайностями высокомерия, интеллектуальной заносчивости с одной стороны, и самоуничужения, неуверенности в себе, с другой. Эти взгляды могли бы существенно обогатить авторский подход к пониманию смирения и дифференциации его аспектов.

4. В своем исследовании диссертант обращается к мифологическим и сказочным образам, широко опирается на художественные произведения О. де Бальзака, Р. Брэдбери, Г. Гессе, Н. В. Гоголя, С. Коллинза, Е. Л. Шварца и др., цитирует различные словари, но почему-то не находит места для

указания на действительно глубокие работы современных российских философов, среди которых наиболее близкими рассматриваемым проблемам являются произведения профессора Красикова В.И. «Явь беспокойства», «Синдром существования», «Человеческое присутствие», «Кажущееся и тщетное. Экзистенциальный анализ», «Экстремизм: паттерны и формы», «Насилие в эволюции, истории и современном обществе», «Озарение трансценденцией: в поисках Бога и себя». Понятно, что подобные упреки в недостаточном владении материалом диссертанту будет легко отринуть избранной траекторией собственного познавательного интереса, но в данном случае выбор источников философского исследования следует дополнительно аргументировать.

5. Более развернутая половина пунктов новизны исследования посвящена проблеме жертвоприношения, что явно не соответствует месту этой проблемы в структуре заявленных диссертантом задач исследования. Между тем, многие, уже отмеченные авторские тезисы, касающиеся проблемы жертвоприношения, имеют определенные черты новизны и оригинальности, что, несомненно, заслуживает некоторых усилий по их экспликации и логичной формулировке не только среди задач, но и положений, выносимых на защиту.

Указанные замечания не умаляют многих иных достоинств диссертации и производимого ею в целом благоприятного впечатления. Они, скорее, свидетельствуют об актуальности и проблемности работы, а также о перспективности методологической стратегии, обозначенной диссертантом, и необходимости дальнейшей исследовательской деятельности в обозначенных направлениях.

Практическая ценность работы заключается не только в ее пользе «для понимания диалектической взаимосвязи смирения и протеста в человеческом поведении, определения их форм в соответствии с выбранным способом жертвоприношения», как указывает соискатель, но и в реальной возможности использования многих ее выводов для практической деятельности

психологов, психотерапевтов, консультантов и тренеров по личностному развитию, которые испытывают реальный дефицит теоретической методологии и критической рефлексии своей работы.

Апробация исследования достаточно эффективна, поскольку помимо устных докладов и выступлений автора на научных форумах различного уровня, включает также список публикаций в цитируемых журналах и сборниках материалов международных и всероссийских конференций. Это позволяет констатировать необходимую полноту отражения проведенного диссертационного исследования в пространстве научной коммуникации.

Представленное в диссертации «Диалектика смирения и протеста», исследование отвечает требованиям п.п. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842, а его автор, Жилина Ульяна Владимировна, заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.13 – философская антропология, философия культуры.

Заведующий кафедрой философии
Гуманитарного института
ФГАОУ ВО «Сибирский
федеральный университет»
доктор философских наук,
профессор

Кудашов Вячеслав Иванович

24.04.2017

Адрес: 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 79
Телефон: +7 (391) 2-06-26-70
Эл. почта: vkudashov@mail.ru

Под

Нач

«